

Об объекте и предмете социологии

Статья представляет полемические заметки по поводу публикации В.Я. Фетисова "Эволюция социологии: обретение новых смыслов и функций". В центре внимания полемиста — определения объекта и предмета социологии, которые в течение двух последних десятилетий многие авторы пытаются подвергнуть ревизии.

Ключевые слова: объект и предмет социологии, деятельность, общество, общности, человек, социальные отношения, социальные институты, социальные процессы.

Олег Божков
Социологический институт РАН

Приятно находить единомышленников, людей, с которыми можно всерьез обсуждать интересующие тебя проблемы. Их тексты читать всегда интересно и полезно, даже если не со всем в них согласен: есть общая платформа.

Несколько лет назад такого единомышленника — профессора Владимира Фетисова — с радостью нашел в журнале "Телескоп". И вот новая встреча: в первом номере этого журнала за 2015 год Фетисов опубликован статью "Эволюция социологии: обретение новых смыслов и функций"¹. С первых строк стало ясно, что статья чрезвычайно актуальна. Во-первых, в ней ставится точный диагноз нынешнего состояния социологии и этот диагноз — довольно глубокий кризис. Во-вторых, стало ясно, что автор пытается предложить конкретный путь выхода социологии из кризисного состояния. И, тем не менее, эта статья вызвала противоречивые чувства и мысли, которыми и хочу поделиться. Конечно, мог бы это сделать приватно (мы давно общаемся с Фетисовым лично), но проблемы, затронутые в статье, стоят того, чтобы говорить о них публично.

Эти проблемы сопровождают социологию с того самого времени, как О. Конт провозгласил её в качестве самостоятельной научной дисциплины. Что есть её объект и предмет; в какой связи находятся люди (индивиды) и общество, взятое как целостность; каковы функции этой науки? Это непростые вопросы. Настолько не простые, что целый ряд очень не глупых и зарубежных, и отечественных наших коллег утверждают, что не только предмет социологии надо кардинально пересматривать, но и объект социологии — общество — не более чем фантом.

Вопрос об объекте и предмете социологии автор рассматривает в двух планах: онтологическом и гносеологическом. *"Суть первого заключается в том, — пишет он, — что под объектом понимается нечто целостное, существующее вне и независимо от чьего-либо сознания. Предмет же выступает как его часть, фрагмент или аспект" (с. 22)*². *"... гносеологический смысл, вкладываемый в понятия "объект и предмет науки" заключается в том, что под объектом понимается определенный фрагмент или срез действительности, а под предметом — его теоретическая модель"* (там же).

Действительно, общество является объектом многих наук, которые различаются тем, что в качестве своего предмета выделяют некую (опять же целостную) его сторону, аспект (но не сферу). Одни из этих наук могут быть охарактеризованы как "узкие" (например, демография, предмет которой — движение населения, изменение его численности и структуры), другие, — как более "широкие" (например, история, изучающая общественные события и причастных к ней героев). Примеры можно продолжать. Но и в том, и в другом из приведенных мною случаев, предмет этих наук не является, строго говоря, "теоретической моделью" объекта. Это, скорее, действительно всего лишь определенные аспекты, фрагменты того, что мы называем обществом. Но тогда, в гносеологическом смысле понятие "объект" равнозначно понятию "предмет" в онтологическом смысле.

Не могу согласиться с утверждением автора, что "... поиск особой сферы не "захваченной" другими науками, до пор не увенчался успехом". Не сферу, не срез, а именно предмет социологии, то, что собственно и подлежит изучению в рамках этой дисциплины, описывал Дюркгейм в книге "Метод социологии" (1895). Он утверждал, что социология изучает социальные факты, это и есть её собственный предмет, отличный от предметов других наук об обществе. При этом социальные факты, с одной стороны, как бы являются продуктом деятельности людей, а, с другой, неподвластны им и, напротив, обладают мощной принудительной силой по отношению к каждому человеку, представителю того или иного общества. И сегодня, когда имеется несколько десятков определений предмета социологии³, убеждаешься в том, насколько был прав французский мыслитель. Многие из того, что изучают современные социологи, по сути своей — есть социальные факты (по Э. Дюркгейму), т.е. то, что не зависит от сознания (желаний и хотений), но мощно принуждает человека действовать именно так, а не иначе.

Если согласиться с тем, что объект социологии — именно общество как целостность, то её предмет (как он выкристаллизовался примерно к середине 20-х годов XX века) можно рассматривать в качестве некоей самой общей теоретической модели объекта этой науки. Эта модель включает наиболее существенные его компоненты, неотделимые от объекта, и находящиеся в непростых взаимодействиях между собой, а именно: *общности* (группы, слои, классы и т.п.), *социальные отношения*, *социальные институты* и, наконец, *социальные процессы*.

Осмелюсь предложить схематическое представление объек-

Рис. 1. Общество, как объект социологии и компоненты её предмета

¹ Фетисов В. Эволюция социологии: обретение новых смыслов и функций. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, № 1, 2015, с. 21-25

² Здесь и далее в скобках указаны страницы журнала, где находится цитируемый текст.

³ Обстоятельный обзор и анализ определений предмета социологии сделал Н.И. Лапин в статье "Предмет и методология социологии" // Социологические исследования, 2002, № 8, с. 106-119.

та и предмета социологии (см. рис. 1) и комментариев к нему.

Жирная рамка в центре рисунка — общество. В более тонких рамках неотъемлемые его элементы, без которых общество существовать не может. На существование и функционирование общества влияют два мощнейших фактора. 1) естественная природа, т.е. окружающая среда, т.н. физический и биологический мир, частью которого, в частности, является и человек, и 2) искусственная среда (результат деятельности людей, включающий не только постройки, но и все элементы т.н. технического прогресса).

Очевидно, что общности первоначально возникают как результат природных различий между людьми (мужчины и женщины; молодые, средние, пожилые; сильные и слабые; умные и глупые и т.д.). Между различными общностями формируются определенные социальные (ролевые, статусные, функциональные) отношения. Обустраивая свою жизнь, люди оказывают влияние, в том числе и на, казалось бы, неподвластную им природу. Хотя бы тем, что начинают возделывать землю, приручать животных, а затем и добывать полезные ископаемые. Параллельно люди создают элементы искусственной среды, которая также влияет на изменение самого общества. Это не только их жилища и орудия для труда и охоты, но также и капища, и детские игрушки, и культовые сооружения и, что очень важно, правила и нормы общежития.

По мере разделения труда общности множатся, становятся разнообразными и вместе с этим усложняются социальные взаимодействия (отношения) между ними. Наиболее эффективные, с точки зрения выживания и развития, социальные отношения закрепляются, кристаллизуются в форме социальных институтов, т.е. устойчивых, передаваемых из поколения в поколение обычаев, традиций, обрядов, правил и норм поведения. Возникшие социальные институты, хотя и являются результатом "консервации" социальных отношений, подчас сами оказывают воздействие на последние. А, кроме того, социальные институты в той или иной мере могут влиять и на изменение природной среды и, конечно же, рукотворной искусственной среды обитания, ибо являются её (этой среды) неотъемлемой частью.

Стоит также обратить внимание на то, что усложнение социальной структуры общества, связано не только с разделением труда. Изменение социальных отношений и их кристаллизация в форме институтов — все это определенные социальные процессы. Но сами социальные процессы вызываются к жизни не только изнутри самого общества, но и под влиянием естественной и искусственной окружающей среды.

О процессах пишет и В. Фетисов: *"Представляется, что поиски предмета социологии лежат в русле процессуального подхода к обществу, который в общем виде провозглашается многими теоретиками. <...> Таковой, по нашему мнению является социальная жизнь общества. По своему содержанию она шире, чем социальная сфера, представляющая собой лишь особый способ перераспределения общественного продукта и оказания услуг населению посредством функционирования определенных институтов"* (с. 22).

"... особенность социальной жизни в том, что она представляет собой синтез, соединение, с одной стороны, осознания индивидами и общностями своих потребностей, интересов и ценностей, постановку на этой основе ближайших и перспективных целей, с другой, — деятельности по их реализации. Деятельность — ядро социальной жизни. Поэтому зрелость последней можно определять по доминированию в ней того или иного типа деятельности. Высшим из них, опираясь на типологию М. Вебера, следует признать целенаправленную, социально-ориентированную деятельность" (там же).

Замечу, что социальные процессы — один из неотъемлемых

элементов предмета социологии. Так что, "процессуальный подход" имманентно присущ социологии и нет необходимости вводить его специально, не вижу особого смысла выделять этот элемент среди других и придавать ему какое-то особое значение. А что же такое "социальная жизнь"? Автор нигде не дает определения этого "нового" понятия, не расшифровывает его. Хотя оно, без сомнения, требует четкого, в том числе, и операционального, определения иначе с ним невозможно работать ни теоретически, ни, тем более, эмпирически.

Теперь о ключевом для автора понятии деятельности. В 1981 году В.Б. Голофаст⁴ выделил две отчасти противостоящих и в то же время взаимодополняющих концепции (теории) деятельности, которые он назвал Ц-теория и Ф-теория⁵. И убедительно показал, что и та, и другая теории оказываются неудовлетворительными для социологического анализа общества. В-первых, обе группы теорий делают акцент на деятельности (поведении) атомарных индивидов; во-вторых, каждая из них базировалась на очень жестких и невыполнимых в реальной жизни допущениях. В-третьих, из поля зрения авторов, придерживающихся этих теорий, практически выпадало огромное количество действий, для реализации которых не требовалось специальное целеполагание, равно как и не привязанных к состоявшимся и осмысливаемым функциям, равно как и просто дисфункциональные действия.

М. Вебер из всех видов человеческих действий выделил для социологического анализа целерациональные, которые, по его мнению, в состоянии понять и оценить практически любой человек. Но ведь очень многие нерациональные действия оказываются вполне эффективными, и они тоже могут быть поняты и оценены другими людьми.

А. Шюц, развивая идею Вебера о том, что социология должна быть "понимающей" пришел к тому, что для понимания общества и человеческих действий важно изучать повседневную жизнь, в основе которой лежит огромное количество стереотипных, не рефлекслируемых действий. Эти действия могут быть рациональными, но не обусловленными какими либо четко вербализуемыми целями.

Т. Парсонс, также развивая веберовскую концепцию деятельности, пришел к идее общества как системы, и в конечном итоге к структурно-функциональной теории. Создается впечатление, что акцентирование внимания на человеке, особенно на человеке рациональном, способном ставить и реализовывать определенные цели заводит социологию в тупик, и несколько не способствует пониманию и объяснению природы общества как определенной целостности.

Здесь представляется уместным привести позицию Эмиля Дюркгейма.

"Со времен Платона и его "Республики" не было недостатка в мыслителях, философствующих о природе общества. Но вплоть до начала нынешнего века в большинстве их трудов господствовала одна идея, которая сильно мешала формированию социальной науки. В действительности почти все эти теоретики политики видели в обществе человеческое творение, произведение искусства и плод рефлексии. С их точки зрения, люди начали жить вместе, потому что обнаружили, что это хорошо и полезно; это искусственное устройство, которое они изобрели, чтобы несколько улучшить условия своего существования. Нация поэтому не является естественным продуктом, подобным организму или растению, которое рождается, растет и развивается благодаря внутренней необходимости; она похожа скорее на создаваемые людьми машины, все части которых собраны согласно заранее предначертанному плану... Хорошо, допустим, что с обществом дело обстоит так же, как с этими часами. Это

⁴ Голофаст В.Б., Методологический анализ в социальном исследовании, Ленинград, "Наука", 1981. - с. 160.

⁵ В класс Ц-теорий автор объединил теории, с основу которых положен принцип целеполагания, а в класс Ф-теорий - теории, основывающиеся на функциях деятельности.

значит, что в природе человека нет ничего, что с необходимостью предназначало бы его к коллективной жизни, но он сам изобрел и установил общество из разного рода кусков. Будь оно творением всех, как считает Руссо, или же одного, как думает Гоббс, оно целиком порождено нашим мозгом и нашим мышлением. Оно в наших руках лишь удобный инструмент, без которого, в крайнем случае, мы могли бы обойтись и который мы всегда можем изменить по своему желанию, так как мы свободно можем переделать то, что сами свободно сделали. Если мы авторы общества, то мы можем его разрушить или трансформировать. Для этого достаточно лишь нашего желания.

Такова, господа, концепция, господствовавшая до недавнего времени⁶.

Э. Дюркгейм написал это больше 110 лет тому назад, но, как видим, и нынче этот взгляд на общество не преодолен. Он настолько застрял в головах людей (в том числе, и социологов), что сильно мешает осознать, что общество — это спонтанный продукт природы. Человек, конечно же, "венец творения", но не он сотворил общество. Исследования биологов убедительно показывают, что общество возникло раньше, чем человек. Уже у животных (особенно млекопитающих и стадных) обнаруживаются признаки "общественной" жизни: иерархическая организация, статусные позиции, "разделение труда" и многое другое⁷. Поэтому смело можно утверждать, что общество сотворило человека (индивида, личность, персону) по образу и подобию своему. Конечно, существует точка зрения, что общество — есть результат взаимодействия индивидов и без них оно также не может существовать, но, тем не менее, возникнув, общество оказывается силой надындивидуальной и практически неподвластной человеку. Особенно, когда он (обладающий способностью познания), не познав законы и механизмы функционирования общества, пытается "совершенствовать" его (а чаще — нещадно корезить) по собственному произволу.

Однако это не означает, что "человек — тварь дрожащая" и что он "права не имеет". Но права его естественно ограничены тем же обществом. Хотя в последнее время люди, возмнив, что они творцы реальности "здесь и сейчас", пытаются сами устанавливать права, а скорее, их ограничивать и там, где это нужно и там, где этого нельзя делать. В силу этого обстоятельства борьба "за права человека" в современном обществе подчас переходит всякие границы разумного и необходимого.

Так что же такое Человек? В какой мере он подлежит (и подлежит ли вообще) изучению социологией, то есть наукой об обществе?

Широкую известность получило и часто цитируется следующее высказывание К. Маркса: "человек есть совокупность всех общественных отношений". Менее известно другое его изречение на эту же тему, сближающее его позицию с позицией Дюркгейма: "Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества". Но Маркс подчеркивал и такое важное обстоятельство, что процесс производства общества — процесс обоюдный: "...подобно тому, как общество производит человека как человека, так оно и производится им". И это верно уже потому, что, во-первых, общество — плод не одного отдельно взятого человека и даже не просто большой группы людей; во-вторых, что это "производство" происходит не немедленно "здесь и сейчас", а существен-

но растянуто во времени; в-третьих, это производство осуществляется отнюдь не как сознательное и/или планомерное.

"Так как развитие это происходит стихийно, — пишет К. Маркс, — т. е. так как оно не подчинено общему плану свободно объединившихся индивидов, то оно исходит из различных местностей, племён, наций, отраслей труда и т. д., каждая из которых первоначально развивается независимо от прочих, лишь мало-помалу вступая в связь с ними. Далее, развитие это происходит лишь очень медленно; различные ступени и интересы никогда не преодолеваются целиком, а лишь подчиняются побеждающим интересам, продолжая на протяжении веков владеть своей существованием рядом с ними. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от их имущественных отношений, прodelывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, ещё долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счёте может быть сломлена только посредством революции. Этим объясняется также, почему в некоторых вопросах, допускающих более обобщённое выражение, сознание может иногда казаться опередившим современные ему эмпирические отношения, так что в битвах какой-нибудь позднейшей эпохи можно опираться на авторитет теоретиков прошлого"⁸.

Уместна здесь ещё одна цитата из "Немецкой идеологии", где Маркс даёт более полное изложение проблемы сознания. "Итак, дело обстоит следующим образом: определённые индивиды, определённым образом занимающиеся производственными и политическими отношениями. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определённых индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они есть в действительности, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определённых материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях. Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь ещё непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определённым развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то и это явление точно так же происходит из исторического процес-

⁶ Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с франц. / Сост., послесл. и примеч. А.Б.Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках). С. 168-169; см. также Гофман А.Б. Существует ли общество? // Социс. 2005. # 5. С. 18 — 25.

⁷ На эту тему есть такое море литературы, что ссылка на неё заняла бы слишком много места. Поэтому приведу работу известного российского этолога, выдержавшую уже два издания с интервалом в 10 лет. Панов Е.Н., Бегство от одиночества: индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь. 2001. — 640 с.; Индивидуальное — коллективное — социальное в природе и в обществе. Бегство от одиночества, Изд.2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. — 640 с.

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс Немецкая идеология. //К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе, М.: 1955, т.3, с.72-73

са их жизни, — подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза происходит из непосредственно физического процесса их жизни"⁹.

Концепция человека развивалась Марксом, в том числе, в связи с его интересом к проблеме освобождения человека, которому препятствовало, прежде всего, отчуждение его от результатов труда, но также и от ответственности за свою собственную жизнь. Об этом аспекте творчества Маркса очень убедительно говорит Эрих Фромм.

"Для Маркса, как и для Гегеля, понятие "отчуждение" базируется на разнице между сущностью и существованием, на том факте, что человеческое существование удалено (отчуждено) от его сущности, что человек в действительности представляет собой совсем не то, что он есть в потенции, или, иначе говоря, что он есть не то, чем он должен стать и чем может стать. <...> "Поэтому в процессе производства рабочий относится к своей "собственной деятельности как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскотление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо, что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность". До тех пор, пока человек испытывает к себе такое отчуждение, одновременно и продукт труда превращается в "чуждую" ему силу, стоящую над ним. В это же самое время все его отношение к чувственному внешнему миру превращается в такое же отчужденное: человек воспринимает этот мир как чуждой, враждебный, возвышающийся над ним. Маркс акцентирует два момента: 1. В процессе труда (и особенно в условиях капитализма) человек не создает своих собственных творческих сил; 2. "Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире". Даже среди социалистов по этому поводу бытует широко распространенное заблуждение относительно взглядов Маркса. Многие считают, что Маркс говорит преимущественно об экономической эксплуатации рабочего и о том факте, что его участие в присвоении продуктов производства не так значительно, как это должно быть, либо о том, что продукт вообще должен был бы принадлежать рабочему, а не капиталисту. Но, как я уже говорил, по мнению Маркса, коллективный капиталист, государство-капиталист, несколько не лучше капиталиста-индивидуала"¹⁰.

Сегодня мы на собственном опыте убеждаемся в правоте последнего утверждения. Именно постперестроечный "государственный капитализм" поставил российские образование, науку и отчасти культуру в невыносимые условия. Казалось бы, уж кто-то, а ученые-то обладают развитым сознанием и рефлексией, но что они смогли сделать, чтобы отстоять свои законные права. Ровным счетом ничего. Ну, помитинговали чуток, ну написали слезные петиции президенту и правительству. А толку? И где же *"синтез, соединение, с одной стороны, осознания индивидами и общностями своих потребностей, интересов и ценностей, постановка на этой основе ближайших и перспективных целей, с другой, — деятельности по их реализации"*?

Дело в том, что не только в России, но и во многих других странах, государство (один из институтов) подмяло под себя т.н. "гражданское общество", зомбировало значительную часть не только мало образованных, но и высоко образованных людей настолько, что люди оказались отчуждены и от результатов своего труда и от нормальной жизни. Собственно, об этом пишет и В. Фетисов: *"Речь идет о том, что давление рынка, го-*

сударства и бюрократии на социологию осуществляется, не только прямо, но главным образом опосредованно — через ограничение возможностей гражданского общества и деформацию социальной жизни" (с. 25).

Наука по своей природе призвана изучать **сущее**, и пытаться понять, откуда и как возникает **должное**. С моей точки зрения, для науки "должное" — это "нормальное" в том смысле, в каком то или иное свойство (объект, предмет) имманентно его собственной природе, т.е. природе окружающего нас мира, человеку и обществу (как элементам природы). Изучая деформированную социальную жизнь, мы получим столь же деформированное знание. А что касается "должного" как идеального, как желаемого, то это мы уже проходили не раз, начиная с социалистов-утопистов и кончая идеями социализма и коммунизма и прочих "измов".

Так в какой же мере человек подлежит изучению социологией, то есть наукой об обществе? Думаю, ровно в той, в какой он является продуктом общества и только в этой своей ипостаси. Задача социологии — изучение не человека, а, прежде всего, тех условий и обстоятельств, в которых живут люди. Задача социологии видится в том, чтобы изучать, насколько институты способствуют или препятствуют подлинному освобождению человека: преодолению отчуждения, развитию всех его способностей, развитию его самостоятельности, как понимал самостоятельность К. Маркс.

Автор статьи говорит и о проблеме истинности научного знания: *"Что касается социологического знания, то его проверка на адекватность реальности проходит, как и в любой другой науке, сложный путь. Схематично и упрощенно он может быть выражен следующим образом. Прежде всего, выявляется степень совпадения результатов деятельности с теоретически обоснованными целями. В свою очередь, правильность последних определяется тем, насколько в них отражены потребности, интересы и ценности людей. И, наконец, социальная эффективность процесса удовлетворения потребностей, реализации интересов и ценностей может быть охарактеризована с точки зрения того, в какой мере он способствует сохранению, воспроизводству и развитию различных групп, слоев и общества в целом"* (с. 25).

Особенно интересны тезисы о совпадении "результатов деятельности с теоретически обоснованными целями", а также об эффективности "процесса удовлетворения потребностей". Обычные люди сопоставляют результаты своей деятельности не с теоретическими, а вполне конкретными "земными" целями. Общество не ставит и не может ставить перед собой никаких целей. Цели, которые можно назвать целями общества, рождаются в недрах социальных институтов или в головах ученых и/или вождей. Ведь и социалисты утописты, да и В.И. Ленин теоретически обосновывали свои цели, да только эти обоснования были очень похожи на ответы к задачам в конце школьного учебника.

Повторю. Если объект социологии — общество (данное нам вне зависимости от нашего сознания) как определенная целостность, то в отличие от других наук об обществе (истории, демографии, политологии и т.д.) её предмет — это неразрывное единство, как минимум, четырех элементов: общностей (групп, слоев, классов), социальных отношений, социальных институтов и социальных же процессов. Все это вместе в сложных взаимосвязях и составляет общество. Вот это как оно есть (т.е. в качестве сущего) и есть предмет социологии. А "социальная жизнь" — это просто еще одна беспредметная абстракция и она, на мой взгляд, вряд ли позволит нам лучше понять общество, в котором мы живем. И, тем более, сделать его — общество — лучше.

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. //К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе, т.3, с.24-25

¹⁰ Фромм Эрих, Концепция человека у Карла Маркса. Избранные главы. //http://newleftvrn.narod.ru/fromm_conceptionmanmarx.htm